

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

Читая работу Р. Карклинса, испытываешь горечь от того, что от нас скрывалось давно известное другим, а отечественные изыскания держались за семью печатями.

Основная идея исследования сформулирована на первой странице: нигде вы не сможете проникнуть в самую суть политической системы страны до такой степени, как в лагере. Несколько лет назад такая идея неискнутому советскому читателю могла показаться оскорбительной. Сегодня он более подготовлен и можно даже углубить эту идею: чем ближе общество к тоталитарному, тем легче оно узнает себя в сообществе заключенных. Ценность идеи и в другом: изучение жизнедеятельности ИТК убеждает, что система подавления личности обречена. С гибелью индивидуальности она разрушается сама, ибо для реализации собственных целей нуждается в сохранении какой-то доли инициативности. С другой стороны, сохранение инициативности побуждает к протесту, что противодействует достижению целей тотального принуждения.

Администрация мест лишения свободы стремится сделать заключенных полностью зависимыми от своей воли и разъединить таким образом, чтобы они, словно атомы, вращались только вокруг власти-ядра и тяготели только к ней. Заключенные (по официальной терминологии - осужденные к лишению свободы) — напротив, стремятся консолидироваться и, замкнувшись в собственном сообществе, отстаивать независимость.

Чем строже режим отбывания наказания, тем последовательнее администрация в своих усилиях в тем энергичнее противодействие со стороны осужденных. Без учета этого «действия — противодействия» трудно понять организацию власти в исправительно-трудовых учреждениях.

Регламентация охватывает все сферы жизни осужденных. Что и как носить из одежды, когда лечь и встать, каким образом разговаривать с начальством, с кем дружить — все это предусмотрено правилами внутреннего распорядка и преследует, казалось бы, благую цель - привить навыки хорошему поведению.

Однако, обилие правил увеличивает вероятность нарушения, заставляя осужденных находиться в постоянном напряжении. Страх перед возможной ошибкой усиливается от того, что нарушение обязательно карается. Опасения, мнительность, страх, тревожность - постоянные спутники заключенных.

Заключенные знают, что их товарищи пребывают в аналогичном положении. Любое неосторожное слово, намек, замечание могут вызвать неадекватную и агрессивную реакцию. Общительность, открытость, раскованность изживаются из их среды, а замкнутость, отчужденность становятся нормой жизни, т. к. оберегают от контактов и возможных конфликтов.

В то же время тревожность, мнительность, подозрительность, неуверенность только усиливают внутреннюю напряженность, которая прорывается наружу в виде актов агрессии или самоагрессии. (Среди заключенных распространено самокалечение. Интенсивность самоубийств среди них выше, чем в других группах населения.)

Обилие правил и связанная с ними высокая вероятность нарушений ставят заключенных в положение нашаливших школьников: их всегда есть за что наказать. Ожидание возможного наказания для многих невыносимо. Они торопятся отвести от себя беду и доносят, нередко искажая факты и перекладывая вину на других.

Очень эффективным средством не столько контроля за ситуацией, сколько раскола общности осужденных является для администрации корпус информаторов.

Зачем нужен был культ Павлика Морозова? Чтобы в святая святых — собственной семье гражданин не польстился па диссидентство, не забывал, что тайное может стать явным. Страх перед доносом не только еще больше разъединяет осужденных, не только вынуждает их опасаться друг друга, но подталкивает слабонервного к тому, чтобы «стукнуть» первым.

В колониях широко используется коллективная ответственность. Официально она не предусмотрена инструкциями. Более того, закон провозглашает принцип индивидуализации ответственности. Однако, скученность заключенных, постоянная внутренняя напряженность способствуют тому, чтобы вспыхнувший конфликт стал массовым. Даже если конфликт локальный, то всегда найдутся очевидцы, которые согласно неписаным правилам поведения не рассказывают об увиденном и услышанном и, тем самым, становятся нарушителями. В той самой колонии, что описана Габышевым в книге «Одлян, или воздух свободы», мне приходилось слышать о такой форме ответственности: отряд, в котором кто-то из воспитанников нарушил правило, допускался в кинозал, но усаживался... спиной к экрану. Легко представить состояние мальчишек, не смеющих оглянуться на экран, ибо за ними бдительно наблюдали «воспитатели». Еще легче представить санкции, которые применяли к виновному свои же товарищи после отбоя. Поэтому коллективная ответственность не просто способ переложить контроль с одних плеч на другие - это прием, с помощью которого интересы администрации с успехом реализуются поднадзорными.

Правила, регламентирующие поведение во всех сферах лагерной жизни, уничтожают индивидуальность. Заключенному помимо его воли предписывают вид профессиональной деятельности и отряд, членом которого он будет, указывают спальное место и место в столовой, что предопределяет круг его общения. Особенно унижительно, когда на грудь куртки наносится фамилия и номер отряда. Человека как бы лишают лица. Недаром Карклинс специально отмечает сообщение своей респондентки, рассказывающей об упорной борьбе против нашивок с фамилиями.

Однако, парадокс заключения в том, что осужденные по существу сами, рефлексивно разрушают собственную личность. Примеры не только из лагерной жизни, но также из трагического прошлого нашей страны свидетельствуют о фактах наказания невиновных, об арестах честных людей. На первый взгляд кажется, что в этих случаях машина террора дает сбой, или что у аппарата устрашения есть какое-то плановое задание. Однако, в наказании случайных людей есть свой социально-психологический смысл: если арестовали такого выдержанного и осторожного человека, говорит себе оставшийся на свободе, то, скорее всего, что-то было и поэтому надо держаться еще осторожнее. Иными словами, контролер перемещается в сознание, человек пригибается все ниже, личность разрушается.

Самодетельные формирования заключенных п. в частности, наиболее нелюбимая их сообществом секция внутреннего порядка, о которой говорит Карклинс, призваны содействовать скорейшему исправлению и перевоспитанию осужденных. В действительности активисты попадают в сложную социально-психологическую ситуацию. С одной стороны, они остаются заключенными. Ярлык «зэка», т. е. человека, побывавшего «там», после освобождения останется на них: общественное мнение не отличает «хороших» заключенных от «плохих». Активисты об этом знают. Поэтому в своем выборе они руководствуются лишь утилитарными соображениями: облегчить существование в колонии, получить защиту со стороны администрации, добиться скорейшего условно-досрочного освобождения.

С другой стороны, активисты объективно противостоят другим заключенным. В колонии сотрудничество с администрацией в деле исправления и перевоспитания других осужденных, как говорится в официальных документах, выливается в участие в обысках, препровождение в камеры штрафного изолятора и прочее. Неудивительно, что сообщество осужденных отторгает активистов. В результате они

выделяются в отдельную группу, которую спасает от преследований только защита администрации и закон. Из-за враждебного отношения к ним остальных осужденных администрация не может освободиться от дискредитировавшего себя неблагоприятными поступками активиста без опасения за его жизнь и здоровье. Нередко она вынуждена сотрудничать с проходимцами. Интересы текущего управления перекрывают провозглашенные в законе цели наказания, среди которых на первом месте — исправление и перевоспитание посредством привития навыков социалистического общежития, уважения к закону и т. п.

Сообщество заключенных ведет постоянную и непрерывную «тайную» войну с администрацией. Последняя неустанно вербует среди заключенных информаторов, а другие осужденные с неменьшим упорством разоблачают их. Разоблачение чревато опасными последствиями для уличенных в сотрудничестве. Поэтому выявленных агентов немедленно переводят в другие колонии. Но несмотря на факты расправ администрация не отказывается от услуг информаторов, и всегда находятся желающие оказывать подобного рода услуги.

И, тем не менее, вопреки усилиям администрации в колонии формируется общность заключенных. Она довольно тесно консолидирована, сплочается за счет неформальных правил поведения, традиций, культуры, а главное - она постоянно выдвигает лидеров, готовых даже ценой свободы поддерживать ее сплоченность. В основе консолидации лежат объективные закономерности, о которых надо сказать несколько слов.

Причисление человека к преступникам резко снижает его ценность в глазах общества. В ответ появляется сильное желание нравственной реабилитации, которая возможна лишь за счет ближайшего окружения. Обостренный спрос на справедливость, вообще характерный для сферы уголовно-правового регулирования общественных отношений, в местах лишения свободы достигает своего пика. Поиск справедливости, порой мнимой, придает неформальной организации заключенных то групповое моральное сознание, которое заглушает моральное воздействие со стороны общества.

Парадокс тоталитарного общества в том, что оно, попирая право и поддерживающую его мораль, девальвирует и то и другое. Это позволяет заключенным считать себя напрасно наказанными. По моим данным, собранным в конце 70-х и начале 80-х годов, около 90% (!) респондентов рассматривали приговор в отношении себя как несправедливый. Кто-то полагал, что вовсе не совершал инкриминируемого, кто-то - что совершил только часть. Большинство же было убеждено, что суд не разобрался в действительных мотивах, побудивших к совершению преступления. В то же время почти все осужденные были уверены, что многим совершающим преступления везет: они не попадают. Чаще везет тем, кто занимает высокое положение. Подтверждались, если верить заключенным, слова Монтескье: «Закон словно паутина: крупная муха через него прорывается, а мелкая застревает». Упреки обществу в попрании нравственности не только способствуют нравственной реабилитации осужденных, но и помогают укреплению группового морального сознания. Сообщество заключенных вопреки запретам пытается так или иначе восстановить нарушенную систему жизнеобеспечения. Чем строже режим отбывания наказания, чем острее ощущается разрыв между прошлым на свободе и настоящим в изоляции от общества, тем сильнее стремление к реабилитации. Этому способствует создаваемая заключенными субкультура.

Восстановление утраченной системы жизнеобеспечения происходит путем перераспределения свободы, когда одна часть осужденных добивается привилегий за счет умаления прав другой части. Осужденные пытаются занять место в группе в соответствии со своими личностными притязаниями. В результате каждый осужденный является членом той или иной неформальной группы: лидеров, нейтральной части, «отверженных», т. е. нарушителей неформальных правил поведения.

К последним сообщество относит и активистов. Они оказываются как бы в двойной изоляции: сначала общество изолировало их от себя, а затем отторгло сообщество осужденных.

О том, что субкультура помогает реализации жизненно важных потребностей, свидетельствует такой эксперимент. Ради облегчения жизни «отверженных» их решили сосредоточить в одной колонии. Организаторы эксперимента полагали, что пострадавшие от притеснений будут жить в мире и согласии. Однако через несколько месяцев во вновь организованной колонии в жестокой борьбе за лидерство сложилась субкультура, не отличающаяся от субкультур других колоний.

Имеется еще одно обстоятельство, свидетельствующее о характере власти в местах лишения свободы. В общности с тоталитарным режимом зреет протест против насилия. Протест вызревает в неформальных группах, интенсивность образования которых пропорциональна широте и глубине регламентации поведения. В то же время, наивно полагать, что эти группы являются носителями демократических тенденций, ибо сани они выживают за счет тотального подчинения собственным правилам.

Неформальные санкции отличаются суровостью. Причина в том, что наказание — всегда лишение каких-то благ. Когда благ мало, то наказание основано именно на этом. В связи с тем, что члены враждебных групп вынуждены жить рядом, неписанные правила регулируют буквально каждый шаг: как вести себя с представителями различных неформальных групп, с администрацией, как отвечать на вопросы и на оскорбления. Заключение находится как бы под двойным прессом. Тотальная регламентация, пресекающая проявление терпимого отношения к любому отклонению от нормы, делает людей яркими приверженцами того, от чего сами же страдают. Нетерпимость служит психологической опорой жесткого централизованного внутреннего устройства общности. Жесткая централизация, требующая неукоснительного соблюдения правил поведения, в свою очередь, формирует ненависть к тем, кто пытается уклониться от предписания, даже если оно не разделяется другими членами общности. Удовлетворение испытывает отнюдь не тот, кто проявил инициативу. Чаще всего такое чувство возникает, когда посягающий на этот порядок наказан, а безропотно подчиняющийся ему поощрен или оставлен в покое. Нередко в колониях за расправами одних заключенных над другими безучастно наблюдают остальные, видимо, испытывающие удовлетворение от того, что кому-то еще тяжелее.

В то же время, несмотря на жесткие внутренние порядки, и, конечно же, жестокость неформальных лидеров, общность заключенных устойчива. При этом лидеры и их окружение не только выполняют наиболее престижные и легкие работы, но еще и получают большее вознаграждение. Другие заключенные по сути дела доплачивают им или выполняют за них часть положенной работы. Этот своеобразный налог выплачивается, как правило, безропотно. Углубленное исследование показало, что отношение к лидерам основано на их авторитете. Ничтожно малая часть неформальных лидеров удерживает власть благодаря физической силе. Все опрошенные нами заключенные говорили, что они не могут отказать лидерам в смелости, в умении отстоять свою позицию, в отсутствии страха перед лишениями. Но главное в другом: через неформальных лидеров выказывают свое понимание справедливости те, кто не умеет или боится сделать это лично. Молчаливое большинство как бы делегирует им свое поправное право. Смелые легко становятся кумирами. А кумиры в тоталитарном сообществе — чаще всего тираны.

Таким образом, в местах лишения свободы наряду с официальной структурой отношений складывается неофициальная. Неформальные лидеры соперничают с официальными руководителями в степени влияния на осужденных. Мне ни разу не приходилось слышать, чтобы современного руководителя подчиненные носили на руках. А вот в одной из тюрем я о таком способе передвижения «пахана» слышал.

Заклученные терпят от «своей» власти не меньше, чем от официальной. Однако склонны отдавать предпочтение первой. И в этом есть резон.

Чаще всего две власти соблюдают паритет. Иногда официальная пытается сломить противника, что посредством репрессивных мер на какое-то время удается. В результате возрастают опасения, страхи, тревожность, чувство собственной неполноценности. Не зря одна из респонденток Карклинса рассказывала, что жизнь в колонии, где администрация путем усиления контроля, заполнением свободного времени занятиями вплоть до строевой подготовки разрушила неформальные структуры, превратилась в кошмар.

Имеется один вид режима содержания заключенных — особый, где условия жизни таковы, что заставляют сосредоточиться лишь на поддержании существования. В этих колониях также имеются неформальные организации. Более того, они устойчивы, т. к. там отбывают наказание «долгожители» мест лишения свободы. Но барьеры между представителями различных неформальных групп низкие, поскольку общность озабочена выживанием. Опыт подсказывает, что тратить силы на внутреннюю вражду нецелесообразно, необходимо направить их против внешнего давления. У заключенных в колониях особого режима психические механизмы адаптации находятся на грани разрушения.

В то же время, ослабление официальной власти ведет к возрастанию авторитета неофициальной. Общность заключенных от этого не выигрывает, ибо ее лидеры начинают злоупотреблять своими правами. Кроме того, ослабление давления приводит к появлению в сообществе новых групп, мечтающих о лидерстве. Между ними разгорается борьба за авторитет, в ходе которой участники отступают от принятых норм поведения. В этой связи неформальные лидеры тоже заинтересованы в паритете. Поэтому между официальной властью и неофициальной устанавливается своеобразная негласная договоренность о пределах вмешательства в дела друг друга. Существует также негласная договоренность о взаимопомощи.

Администрация мест лишения свободы вынуждена прибегать к помощи неформальных лидеров и их помощников не только в моменты кризисных ситуаций, когда, например, надо организовать выполнение плана, мобилизовать осужденных на ударную работу в трудных условиях и т. п. Она обращается к ним и в повседневной жизни, выдвигая на должности «сержантов» производства, ибо они эффективнее обеспечивают дисциплину, нежели представители актива. Кроме того, неформальные лидеры материально заинтересованы в хорошей работе всех осужденных, т. к. от нее зависят «налоговые» поступления в общую кассу.

Паритет выгоден обеим сторонам. Поэтому существуют каналы, через которые стороны могут обмениваться информацией без боязни опорочить репутацию. В этой связи неформальные лидеры обостряют, с одной стороны, отношения с администрацией, чтобы оставаться в глазах сообщества борцами за справедливость, но, с другой стороны, не настолько, чтобы конфликт вылился в бунт. Бунт неприятен неформальным лидерам по ряду причин: во-первых, их немедленно причисляют к зачинщикам и после подавления беспорядков сурово наказывают. Поэтому нередки забавные случаи: если лидерам не удастся предотвратить бунт, они бегут «сдаваться» в его начале. Во-вторых, после бунта колонию расформируют и на новом месте прежним лидерам нужно за лидерство бороться. В-третьих, редко бывает так, чтобы одни и те же люди могли быть лидерами и в обычной жизни, и в экстремальных условиях. Надо заметить, что бунты зачастую возникают потому, что какая-то группа рвется к лидерству и намеренно обостряет обстановку, будучи готовой к эксцессам.

Карклинс пишет о том, что обычные заключенные в отличие от политических менее энергичны в противодействии администрации. Это не совсем так. Надо разобратся в способах сопротивления. Те осужденные, которых называют политическими, не образуют неформальных структур, подобных существующим в среде об-

щеуголовных преступников. Как правило, таких заключенных немного и они занимают привилегированное положение в общности, будучи наказанными за борьбу против общества, изолировавшего всю общность. Они ведут борьбу с администрацией мест лишения свободы по правилам, которыми руководствуется сама администрация. Пишут жалобы, подают ходатайства, стараясь, в то же время, соблюдать официальные требования к собственному поведению. Такая форма борьбы упрочивает их привилегированное положение в сообществе, позволяя оставаться независимыми от его правил.

Осужденные за общеуголовные преступления живут «другой» жизнью, одно из фундаментальных правил которой: старайся поступать таким образом, чтобы администрация не нашла повода вмешаться во внутренние дела. Конечно, заключенные не отказывают себе в удовольствии предъявить требования к администрации, расширить права, уличить кого-либо из официальных лиц в неблагоприятных поступках и т. п. Тем не менее, они живут в закрытом сообществе, куда, кстати, не всегда допускаются осужденные за так называемые политические преступления.

И, наконец, Карклинс пишет о том, что политическое и социальное перевоспитание осужденных опирается на неверные тезисы. В частности, признание вины считается показателем исправления. Это очень важный признак, т. к. от него зависит возможность условно-досрочного освобождения. Однако, далеко не все осужденные признают вину. В таком случае они испытывают острую внутреннюю коллизию: или вопреки убеждению признать вину в расчете на освобождение, или продолжать следовать убеждению, добиваясь установления истины, но получить за это «ярлык» трудновоспитуемого со всеми вытекающими из этого звания последствиями. Очевидно, что и тот и другой выбор наносят ущерб справедливости. Все это так. Но проблема глубже, нежели ее представляет Карклинс. Она связана с неверным отношением к уголовному наказанию.

Наказание, если судить по тексту закона, есть благо. Оно благо и для общества и для наказанного, ибо наказание не только карает, но имеет целью «исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития».

Если наказание благо, то у судьи, выносящего приговор, не появляется угрызений совести. Он не обрекает на страдание, а творит добро. Более того, у более строгого наказания больше возможностей принести добро. В том числе и по этой причине наиболее распространенным наказанием в нашей стране является лишение свободы. В 60-е годы более 60% подсудимых получали наказание в такой форме. Сегодня доля уменьшилась, но по-прежнему остается высокой - до 30%. Администрация мест лишения свободы тоже убеждена, что творит добро. Самое распространенное увещание, которым работники исправительно-трудовых учреждений сопровождают наказания: ты не хочешь себе добра. Неудивительно, что на вопрос «Что, по Вашему мнению, мешает более эффективному исправлению и перевоспитанию заключенных?», более 70% респондентов ответили: ограниченные права в использовании дополнительных наказаний заключенных.

«Благо» оборачивается следующими последствиями: 30-35% освобождающихся из мест лишения свободы нуждаются в специальном психологическом или психиатрическом вмешательстве, т. к. у них серьезно нарушены механизмы адаптации. и они не могут приспособиться к жизни на свободе: 5-7 лет нахождения в колонии необратимо сказываются на психике: почти все заключенные страдают нервно-соматическими заболеваниями — язва желудка, двенадцатиперстной кишки и др.; преобладающая часть заключенных - туберкулезники.

Соппротивление «благу» рассматривается персоналом мест лишения свободы в качестве чуть ли не сумасшествия. Действительно, только идиот не хочет себе добра. Не случайно, подавляющее число практических работников считают, что находящиеся под их надзором и ради перевоспитания заключенные неисправимы,

что тюрьма для многих из них «дом родной», что бесполезны все потуги по наставлению их на истинный путь. Наши ученые громят Ч. Ломброзо, вошедшего в историю в качестве автора теории «прирожденных преступников». Наша же практика борьбы с преступностью в итоге «разделяет» его взгляды.

Какое значение имеют эти, казалось бы абстрактные рассуждения для темы настоящего разговора? Дело в том, что деспотические режимы всегда опираются на представление об «идеальном человеке». Жизнь расходится с представлениями. Поэтому приходится «заставлять» людей быть идеальными. Если они сопротивляются, их вынужденно наказывают. Между тем, что даст признание уголовного наказания злом? Здесь я не удержусь от сравнения. Когда-то ядохимикаты почитались безусловным благом в борьбе с вредителями растений. Их сыпали на грядки не скупясь. Сейчас поняли, что ядохимикаты скорее зло, чем благо. Поняли и другое: без них пока нельзя обойтись. Такое понимание поставило вопрос о мере зла.

Точно также и понимание наказания как вынужденного зла, без которого современное общество не может обойтись, заставит думать о мере зла. Тогда зачем его множить без нужды? Уверен, что в таком случае изменится организация отбывания наказания, поскольку будут пересмотрены его цели и, следовательно, возможности. Разумеется, что интенсивнее будут отыскиваться другие — действительно исправляющие и перевоспитывающие меры воздействия.

Г. Ф. ХОХРЯКОВ